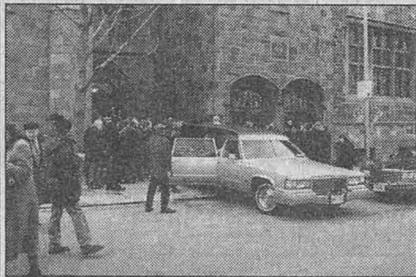

“КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ...”

Вот уже минул девятый день, скоро сороковины... Смерть Бродского повергла в траур мировую культуру. Кончилась его жизнь, его эпоха. Сам поэт этого не ожидал, хотя чувствовал себя не лучшим образом. Он собирался вести новый курс в Массачусетском колледже, готовился к новой операции... Все отчетливее ощущается трагедия его ухода. На похоронах присутствовал ближайший друг Иосифа Бродского — поэт из Москвы Евгений Рейн. На днях он вернулся домой.

— Женья, вы были одним из немногих россиян на церемонии похорон. Как это происходило?

Перед отъездом на кладбище из собора Грасе-Черч.

— Он скончался 28 января. Я прилетел в Нью-Йорк 30-го утром. Его тело было выставлено в похоронном зале в Гринич-виллидж в течение двух дней. К телу был открытый доступ для прощания. Сюда шло много народу. Это была русская Америка, многие приезжали из других городов, американская элита, журналисты, его личные друзья. Из россиян смогли прилететь несколько человек, связанных с Иосифом жизнью. Это поэт Александр Кушнер, личный друг Бродского Генрих Штейнберг. Он не литератор, а вулканолог с Сахалина. С нами был и предприниматель из Москвы Илья Коллеров.

Хоронили Иосифа в пятницу. Перед этим состоялась служба в католическом соборе. Этот факт уже прошел в российской прессе. Добавлю, что служба состоялась не традиционная. В храме читали стихи Бродского на двух языках — русском и английском. Надгробное слово произнес настоятель собора. Затем поэта отвезли к месту его временного упокоения. Это кладбище на Риверсайд-драйв. На этом кладбище стоит мавзолей, разделенный на ниши. В одну из ниш был поставлен гроб с телом поэта, обшитый медными пластинами. Он там пробудет еще несколько месяцев до переноса его в Венецию. Но это уже широко известно.

— Не правда ли, справедливое решение. Наверное, перенести тело поэта в Петербург было бы скорее актом политическим, а не человеческим...

— Думаю, вы правы. У него остались жена, дочь, они вряд ли будут бывать в России. Таким образом, семью лишили бы доступа к могиле. Более того, он оставил завещание, но место захоронения там не предусмотрено. Но он больше других городов мира любил Венецию. Двадцать лет подряд Иосиф каждую осень приезжал в этот город. Для него Венеция была не только городом, но и неким метафизическим местом в мире. Там уже нашли покой многие великие русские — Дягилев, Стравинский, другие. Это достойное место для вечной пристани гения.

— А родственники в России у Бродского остались?

— Да, в Петербурге у него 30-летний сын Андрей. У него другая фамилия, но это вне всяких сомнений сын Бродского. Очень похож на него. Они считали себя отцом и сыном. Все русские гонорары Бродского последнего времени — с тех пор, как его начали у нас издавать, — предназначались сыну.

— А обеспечена ли его семья в Америке — вдова и дочь?

— Его вдова из вполне обеспеченной семьи. Здесь дело не в деньгах. Кстати, она гражданка Италии. Таким образом, окончательное погребение в Венеции — это тоже семейное дело.

— Как вы сами ощущаете его отсутствие? В своей судьбе и в культуре человечества?

— Что касается меня лично, то я осиротел. Отсутствие Иосифа ощущаю ежедневно. Для меня он был великим русским поэтом и центральной фигурой мировой словесности нашего времени. Все самое значительное и интересное, что происходило в мировой литературе, являлось мне со стороны Бродского. Я не представляю себе, чтобы этому при моей жизни была найдена достойная замена. Для всех нас.

Скорбь о поэте долговременна. Но с нами уроки его судьбы и его творческое наследие. Это утешение для тех, кто живы.

Он писал об этом в замечательных стихах:

Что сказать мне о жизни. Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
Из него раздаваться будет лишь благодарность.

Беседовал Сергей МНАЦКАНЯН.